
УДК 94 (470.6)
ББК 63.3 (235.7)
Г 61

С.А. Голованова,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Армавирской государственной педагогической академии, тел. 9604765248

В.Г. Шнайдер,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Армавирской государственной педагогической академии, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности, тел. (918) 476-14-05; (86137) 4-22-36, e-mail: schneiderwg@mail.ru

Концепция «фронтiera» в современной кавказоведческой литературе (Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируется современное состояние концепции «фронтiera», разрабатываемой зарубежными и отечественными историками. Показаны терминологические сложности использования понятия «фронтiera», вследствие неопределенности и расплывчатости его характеристик. Цель статьи — показать перспективы адаптации теории «фронтiera» к региональной северокавказской геополитической ситуации.

Ключевые слова: «фронтiera», «кавказский фронтiera», «северокавказский фронтiera», подвижная граница, буферная зона, контактная зона, колонизация.

S.A. Golovanova,

Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History of Russia, Armavir State Pedagogical Academy, ph. 9604765248

V.G. Schnaider,

Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History of Russia, Armavir State Pedagogical Academy, Vice Rector for Research and Innovative Activity, ph. (918) 476-14-05; (86137) 4-22-36, e-mail: schneiderwg@mail.ru

A concept of “frontier” in the Caucasus modern literature

Abstract. An analysis is made of the current state of the concept of “frontier”, developed by foreign and domestic historians. The authors show the terminological difficulties in the use of the concept “frontier” because of uncertainty and vagueness of its characteristics. The paper is focused upon prospects of adaptation of the theory of “frontier” to the North Caucasus regional geopolitical situation.

Keywords: “frontier”, “the Caucasus frontier”, “the North Caucasus frontier”, mobile border, buffer zone, contact zone, colonization.

В современную российскую историческую науку все настойчивее вводится понятие «фронтiera». Согласно определению американского историка Ф. Тернера, «фронтiera — точка встречи дикости и цивилизации, где происходит взаимодействие между колонизаторами и местным населением, результатом которого является формирование нового общества»[1]. С выходом ра-

боты У.П. Уэбба «Великий фронтiera» (1951 г.) тернеровские взгляды легли в основу видения мировой истории, начиная с XV века. Уэбб заявил о том, что Тернер напрасно рассматривал фронтiera как явление исключительно американское и что взаимодействие европейской цивилизации с неосвоенными землями, куда она двигалась, было еще значительнее в истории

самой Европы. Следовательно, понятие «фронтир» находится в прямой связи с историей европейской колонизации. Заметим, что в Российской империи второй половины XIX века выстроилась своя теория «колонизации», наиболее последовательно изложенная В.О. Ключевским. По сути, современная теория «фронтира» выступает альтернативой теории «колонизации». А.С. Хромых, анализируя историографию «сибирского фронтира», отмечает, что эти теории пытаются объяснить сходные процессы освоения, заселения и вхождения в состав государства новых территорий. Принципиальное их различие, по его мнению, заключается в том, что в отличие от понятия «колонизация» «фронтир» ориентирован на процесс становления нового общества или сообщества, состоящего из людей с особым менталитетом. Поэтому теория «фронтира» может являться своеобразным дополнительным методологическим инструментом для понимания процесса вхождения Сибири в состав России в рамках концепции «колонизации», особенно в выявлении этносоциальных особенностей долговременного взаимодействия русского и коренного населения [2].

При необычайной популярности фронтирного дискурса, как отмечает И.П. Басалаева, само понятие «фронтир» недостаточно концептуализировано: в большинстве работ оно как нечто самоочевидное вообще не определяется, либо определяется не вполне понятно [2]. Отсутствие единых методологических подходов в использовании концепта «фронтир» наблюдается и в кавказоведческой литературе.

Авторы книги «Северный Кавказ в составе Российской империи» считают, что «продвижение России на Северный Кавказ в XVIII в. неплохо характеризует понятие расширяющегося «пограничья» или «фронтира» [4]. Перспективность этого понятия и подхода не вызывают у них сомнения. А.В. Крючков, изучая присоединение Крыма к России, использует понятие «крымского фронтира». По

его определению «фронтир» — зона неопределенности, характеризующаяся полицентризмом в политической, социально-экономической и культурной жизни народов [5]. Кубань как геополитическое пространство, по мнению В.В. Грибовского и Д.В. Сеня, также может рассматриваться в контексте теории «фронтира» или «Большой Границы» [6]. М.А. Рыблова, исследуя формирование групп донских казаков, рассуждает о факторе фронтира. В ее толковании «фронтир» — зона между двумя границами, территория постоянных войн. Любая граница, считает она, может трактоваться как барьер, но может восприниматься и в качестве контактной зоны — «фронтира», который оказывается своего рода «инкубатором» для новых сообществ из-за отсутствия возможности (или желания) точно воспроизводить все формы социальной жизни метрополии [7]. В классическом тернеровском понимании определяет «причерноморский, а позднее кавказский фронтир» Ю.Ю. Приймак [8].

Очевидно, что в большинстве случаев об адекватности отечественных версий исходной не может быть и речи, поэтому важно выявить потенциал содержательного расширения понятия «фронтир».

Одним из первых обосновал свое видение «кавказского фронтира» Сергей Маркедонов, который ориентирует на изучение Кавказа в контексте мировой истории и современной глобальной политики. «Юг Кавказа, — пишет он, — это фронтир. На сегодняшний день слово «фронтир» не имеет адекватного перевода на русский язык. Своеобразной калькой этого понятия выступает «граница». «Фронтир — это зона межкультурного (межцивилизационного) взаимодействия вне четко установленных и признанных государственных границ ... Исторически кавказский регион — «кавказский фронтир» имеет значение «контактной зоны» различных этнических, религиозных, этноконфессиональных, этносоциальных групп, взаимодействие которых складывало в различные исторические пе-

риоды свою неповторимую «кавказскую мозаику» [9].

С. Панарин считает, что в русском языке отсутствуют специализированные термины для выражения разных оттенков понятия «граница». Поэтому он обратился к помощи английского языка и предложил три термина, подходящих для обозначения разного понимания «границ России» — boundary (граница естественный внешний предел, обозначенный самой природой), border (юридически зафиксированной границы между двумя пространствами, в то же время и некоторая часть пространства, непосредственно прилегающая к такой границе, или пограничье) и frontier. Однако ясности в определении фронта мы у него не находим. Frontier, как считает С. Панарин, тоже указывает на разделение пространства, в том числе по признаку его государственной принадлежности, и на пограничье. В значении «государственная граница» он подчеркивает наличие резкой грани, разделительной черты, снабженной всеми необходимыми атрибутами разграничения пространства — таможенной, пограничной службой, контрольно-пропускными пунктами и т.п. А вот в значении «пограничье» указывает на нечто расплывчатое и даже подвижное, на пояс земель, в восприятии которого главенствуют не количественные параметры (точно отмеренная ширина или площадь), а качественные (обычно — отчужденность, неопределенность, неосвоенность). Территории, попадающие в створ между двумя границами и территории, плохо поддающиеся разделению, и образуют так называемый фронт — пограничье России [10].

Сами принципы развития и взаимодействия геополитических пространств ведут к появлению и активному функционированию различного рода буферных и промежуточных территориальных зон между сильными или соперничающими государствами. Исходя из этого, нельзя говорить о Северном Кавказе исключительно как о зоне «российского фронта».

Следует обратить внимание на исследование И.В. Зеленовой, которая рассмотрела российские геополитические реалии в контексте теории срединных пространств. «Растущий потенциал «русской срединной территории» сталкивался, по ее мнению, с интересами пяти других «срединных территорий»: шведской, османско-турецкой, персидской, китайской. Все шесть «срединных пространств» (включая русское) были в большей степени обособлены друг от друга, не имея непосредственных границ, взаимодействуя посредством «пограничных зон», расположенных вдоль границ. Каждое «срединное пространство» имело в этих зонах подзоны влияния и промежуточные зоны, которые более или менее явно были поделены внутренними границами. Эти границы рассматривались «срединными пространствами» как важные геополитические рубежи внешнего и внутреннего характера, нередко порождая в пограничных зонах «дух фронта» и фронтальный тип политической культуры [11]. И.В. Зеленова утверждает, что «в XVI-XIX вв. в России экспансия (захват чужих территорий) и колонизация (освоение пустующих или не имеющих государственной организации земель) происходили параллельно, были тесно переплетены, а часто неотделимы друг от друга. Причина этого — отсутствие на евроазиатских просторах, ставших объектом присоединения к России, не только государственных границ, но нередко и самих институтов государственной власти. Это придавало неповторимость процессу расширения пространственных границ империи, когда внешнеполитические (экспансионистские) и внутривнутриполитические (колониальные) задачи решались в теснейшем взаимодействии. С геополитической точки зрения это чрезвычайно важно, поскольку приводило к феномену «фронта», «подвижной границы», которая порождала пространственную размытость геополитического самосознания населения ...» [12].

Майкл Ходарковский (Чикаго, США), исследуя проблему закономер-

ностей расширения России на восток и юг, отметил разницу между диалектикой формирования фронта (frontier) и превращения его в пограничную зону (borderlands). Под фронтиром ученый понимает «регион, который замыкает пространство заселенной или освоенной территории, политико-географическую область, лежащую вне объединенного политического образования». По его мнению, на западе у России были ясно обозначенные границы между суверенными государствами, а на востоке и юге — frontiers [13]. При этом М. Ходарковский описывает Северный Кавказ как «фронтальный регион Персии, Турции и Российской империи».

Д.И. Олейников также считает, что христианские народы Закавказья и племена Северного Кавказа оказались одновременно не только в южной зоне российского, европейского фронта, но и на севере фронта мусульманской цивилизации: народы Дагестана и Чечни вошли в соприкосновение с Персией, а народы Северо-Западного Кавказа (тогда их обобщенно называли черкесы) оказались на границе Османской империи [14].

При рассмотрении проблемы следует учитывать и важные, на наш взгляд, выводы Тиграна Лерсаряна. Отличия российского и американского фронтов он видит в следующем: американский фронт поглощающий, тогда как российский, огораживающий поле русского колониального действия. Даже при наступательном расширении русского фронта он все равно мыслится как оборонительный. Он всегда защищает пространство, в котором совершается геополитическое действие, представляющее собой наслаивание одной за другой территориальных «чешуек», малых и средних пространств, которые освоены «по-русски» [15].

Исследователь сибирского фронта Д.Я. Резун выявил не менее принципиальное отличие: «В Северной Америке наблюдалась несколько иная картина: там продвижение белого человека означало вытеснение индейцев с их территории. Индейская и белая нации могли

существовать рядом, но не вместе» [16]. История развития взаимосвязей России и Северного Кавказа демонстрирует доминирование тенденции взаимного тяготения народов друг к другу, что нашло адекватное отражение в концепции «российскости», разрабатываемой научной школой профессора В.Б. Виноградова. Качественно новое звучание темы «Россия и Кавказ» отметили в совместной статье Б.С. Карамурзов, А.Х. Боров, К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова: «В XVI-XVIII вв. основным мотивом в ней являлась проблема политического взаимодействия различных исторических субъектов, сохраняющих свою самостоятельность и самобытность; в период Кавказской войны — проблема совместимости в одном государственном организме существенно разных социокультурных систем, а с 60-х гг. XIX в. основным мотивом становится проблема совместного развития, т.е. органического включения Северного Кавказа в процессы российской Модернизации» [17].

Несомненный интерес представляет статья Томаса М. Баррета, раскрывающая идею северокавказского «фронта» России [18]. Автор учитывает опыт западной историографии, в которой «история взаимоотношений между Россией и Северным Кавказом до сих пор описывается как военная: историки по-прежнему изображают разделительные линии совершенно непроницаемыми, поменяв лишь угол зрения: в центре их внимания сейчас не российский натиск, а сопротивление «кавказского барьера». Томас М. Барретт ставит перед собой задачу доказать, что «российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования «фронта» — приграничной, порубежной зоны, — включавшим внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых обществ и отказ от старых». Понять, что стояло за присоединением Северного Кавказа к России, по его мнению, «можно только заглянув за военные линии и посмотрев на передвижения

народов, на их поселения и сообщества, изменение ландшафта, взаимоотношения соседей, причем не только во время военных действий, но и в повседневной жизни».

Американский исследователь считает, что история окружающей среды, особенно важна для понимания своеобразия зоны «фронттира», где переселенцы пытались построить новое общество в незнакомой экологической обстановке. Особенности расселения русских на новых землях были полностью противоположны традиционным местным, экологически грамотным схемам. В равной мере он разделяет вину за тот экологический урон, который нанесла вырубка лесов, между русскими и северокавказскими народами, так как дерево и древесный материал составляли основной предмет торговли чеченцев и кабардинцев с русскими поселенцами [19].

Интересны, на наш взгляд, и его выводы по проблемам пограничного обмена. Россия, считает Томас М. Барретт, так и не смогла превратить Северный Кавказ в торговую колонию, в которой местное население поставляло бы в большом количестве сырье, например меха и хлопок, для обогащения русских купцов. Более того, торговля ремесленными изделиями и одеждой, такой, как бурки, черкески и папахи, вероятно, укрепила местную экономику, поскольку количество товаров, производимых на продажу, увеличилось со временем во много раз.

Одним из элементов теории «фронттира», он предлагает рассматривать такое понятие, как «ничейная земля» — промежуточное пространство между культурами, народами, а также между империями и внегосударственным сельским миром», аспекты которой включают «брачные связи, переговоры о случаях насилия, союзнические отношения, устанавливавшиеся с помощью ритуалов, и социальные связи, формировавшиеся путем торговли». Именно это позволяет рассматривать «фронттир» на ранних этапах освоения его русскими поселенцами в качестве не столько периферии новой

России, сколько уникального явления, возникшего в результате культурного обмена и взаимодействия между всеми сторонами.

Рассуждения Томаса М. Барретта не лишены здравого смысла и демонстрируют несколько иной подход к теории «фронттира», нежели тот, что набирает силу в российской историографии. «Северокавказский фронттир» он рассматривает в соответствии с тремя направлениями, сложившимися в современной американской науке: история окружающей среды, социальная история и этническая история; предлагая их как возможные темы исторических исследований «одного из приграничных регионов России». Однако, хорошо владея американской русистикой, Томас М. Барретт ограничен в знакомстве с исследованиями российских кавказоведов (используемые работы вышли в 1980-х гг.), а с момента написания статьи, проблема взаимодействия России и Северного Кавказа вышла на совершенно новый уровень осмысления.

Оппонентом применения теории «фронттира» к Кавказу является Э.А. Шеуджен, написавшая статью «К вопросу о северокавказском фронттире». Исследователь приходит к выводу: «Идея фронттира как «границы» с момента вхождения Северного Кавказа в состав России теряет реальный смысл и может быть рассмотрена как искусственное, умозрительное построение». Созвучно и мнение немецкого историка Марины Фукс, которая считает термин «фронттир» чересчур абстрактным для российской истории. Более того, она отмечает, что до 1917 года «русские не стремились менять «культурное содержание» присоединенных этнических меньшинств. Это означает, что многие регионы не были под русским культурным влиянием, а это противоречит теории «фронттира» [20].

Попытку преодолеть некую теоретико-методологическую неопределенность в подходах исследования фронттира предприняла И.П. Басалаева. Фронттир, считает она, — это не территориальный, а ландшафтный феномен;

это процесс и результат социального конструирования реальности, в связи с чем его представленность имеет отношение к ментальной среде. Исходя из этого, выделены основные компоненты группы конкретно-исторических черт фронта: этнокультурная неоднородность, неравная численность, амбивалентно-конфликтное взаимодействие фронтирующих групп; изначальная гендерная диспропорция в доминантной фронтирующей группе; дальнейшая социокультурная и этническая ассимиляция фронтирных групп; маргинальное («окраинное, «украинное») геополитическое расположение фронтирных территорий; отсутствие четких государственных и внутренних границ; квазиграничность (наличие «естественных пограничных рубежей», зонирование пространства фронта); центрирование фронтирной зоны очагами «городской жизни»; де-факто колониальный статус территории; отсутствие теоретически осмысленной целенаправленной региональной политики; номинальный характер государственной власти; отличие системы управления от таковой в метрополии; рыхлость административно-управленческой структуры; компрадорская по своей сути «местная» элита-нерезидент; «административное бесправие» и произвол и более высокая, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мо-

бильности, несформированность постоянного (местного) населения [21]. Выявленные основные характеристики фронта базируются на исторических материалах Сибири. Перспективность данной типологизации, на наш взгляд, заключается в том, что здесь учтены три взаимообусловленных фактора — этнокультурный, геополитический и административно-управленческий.

Таким образом, все исследователи, использующие термин «фронт», обязательно уточняют, что это граница или пограничная зона, буферная или контактная зона. То есть, модель развития понятия «фронт» находится на латентной фазе, когда семантическое поле осваивается разнообразными словами, связанными с сущностно близкими понятию фундаментальными характеристиками [22]. Между тем Д.Н. Замятин уже определил геополитический образ Руси-России как образ буферной или фронтирной империи. Несомненно, будет продолжено использование понятия «фронт» применительно к Северному Кавказу. Важно не просто использовать модный термин «фронт», а «насытить» это понятие богатым содержанием, критически используя и «просеивая» как достижения исходных культур, так и содержательные моменты политической прагматики» [23], с учетом северокавказских реалий.

Примечания:

1. Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории: пер. с англ. М., 2009. 304 с.
2. Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронт» в изучении истории Сибири. URL: <http://rudos.ixdat.com/docs/index-176783/html>.
3. Басалаева И.П. Критерии фронта: к постановке проблемы. URL: [www.http://www.teoria-practica.ru](http://www.teoria-practica.ru) > -2-2012... basalaeva.pdf.
4. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
5. Крючков А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеперское пространство (последняя четверть XVIII — начало XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. URL: www.sgu.ru/news/dos/news
6. Грибовский В.В., Сень Д.В. «Кубанский вектор» во взаимоотношениях калмыков и ногайцев в первой половине XVIII в. URL: http://www.vkrterra.com.ua/development/history/su/kuban_vector.htm.
7. Рыблова М.А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI — первой трети XIX в. URL: <http://www.yuga.ru/kazaki/culture/index.chtm?id=4341>.
8. Приймак Ю.Ю. Северное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII — первая треть XIX в.). Армавир, 2011. 359 с.

-
9. Маркедонов С. Южный Кавказ: многоугольник интересов. URL: Copyright@ 1999-2007 «Агентство политических новостей».
 10. Панарин С. Русскоязычные у внешних границ России: ответы и вызовы // Диаспоры. 1999. №2-3.
 11. Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России. XVIII — первая половина XIX в. СПб.: СПбГУ, 2005. 270 с.
 12. Там же. С. 79-80.
 13. См.: Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России... С. 80.
 14. Олейников Д.И. Фронтир и колонизация. URL: <http://www.timeandspase.lviv.ua/index.ru>.
 15. Лерсарян Т. Бескрайняя равнина конца времени // Отечественные записки. 2002.. №3.
 16. Резун Д.Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки // История и обществознание. 2007. №5. С. 68-75.
 17. Социокультурные механизмы северокавказского исторического процесса: древность — новое время // Научная мысль Кавказа. 006. №3. С. 68-75.
 18. Барретт Т.М. Линия неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Имперский период. Самара, 2000. С. 163-195.
 19. Там же. С. 164-172.
 20. Там же. С. 175-178.
 21. Шедужен Э.А. К вопросу о северокавказском фронтире // Научная мысль Кавказа. 2006. №3. С. 76-83.
 22. Басалаева И.П. Критерии фронта: к постановке проблемы. URL: www.teoria-practica.ru > -2-2012... [basalaeva.pdf](#).
 23. Ильин М.В. Политический дискурс: слова и смыслы (Государство) // Полис. 1994. №1. С. 127-140.
 24. Там же. С. 130.

References:

1. Turner F.J. Frontier in American history: transl. from English. M., 2009. 304 pp.
2. Khromykh A.S. On the question of use of the concepts «colonization» and «frontier» in the Siberia history study. URL: <http://rudos.ixdat.com/docs/index-176783/html>.
3. Basalayeva I.P. The criteria of a frontier: on the statement of the problem. URL: www.teoria-practica.ru > -2-2012 ... [basalaeva.pdf](#).
4. The North Caucasus as a part of the Russian Empire. M.: New literary review, 2007. 460 pp.
5. Kryuchkov A.V. The annexation of the Crimea to Russia and the initial stage of its inclusion in the general imperial space (the last quarter of the XVIII — the beginning of the XIX centuries): Dissertation abstract for the Candidate of History degree. Saratov, 2006. URL: www.sgu.ru/news/dos/news
6. Gribovsky V.V., Sen D.V. «The Kuban vector» in the relationship of the Kalmyks and the Nogais in the first half of the XVIII century. URL: http://www.vkrterra.com.ua/development/history/su/kuban_vector.htm.
7. Ryblova M. A. Men's communities of the Don Cossacks as a sociocultural phenomenon of XVI — the first third of the XIX centuries. URL: <http://www.yuga.ru/kazaki/culture/index.chtm?id=4341>.
8. Priymak Yu.Yu. The North Black Sea coast domestic and foreign policy processes of formation of the southern borders of Russia (the end of the XVII — the first third of the XIX centuries). Armavir, 2011. 359 pp.
9. Markedonov S. The Southern Caucasus: a polygon of interests. URL: Copyright@ 1999-2007 «Agency of political news».
10. Panarin S. Russian-speaking people at the external borders of Russia: answers and challenges // Diasporas. 1999. No. 2-3.
11. Zeleneva I.V. Geopolitics and geostrategy of Russia. The XVIII — the first half of the XIX centuries. SPb.: SPbSU, 2005. 270 pp.
12. Ibidem. P. 79-80.
13. See: Zeleneva I.V. Geopolitics and geostrategy of Russia ... P. 80.
14. Oleynikov D.I. A frontier and colonization. URL: <http://www.timeandspase.lviv.ua/index.ru>.
15. Lersaryan T. The boundless plain of the end of time // Domestic notes. 2002. No. 3.

-
16. Rezun D.Ya. Frontier in the history of Siberia and North America // History and social studies. 2007. No. 5. P. 68-75.
 17. Sociocultural mechanisms of the North Caucasian historical process: antiquity and new time // The scientific idea of the Caucasus. 2006. No. 3. P. 68-75.
 18. Barrett T.M. Uncertainty line: the North Caucasian «frontier» of Russia // The American Russian philology: marks of historiography of the last years. An imperial period. Samara, 2000. P. 163-195.
 19. Ibidem. P. 164-172.
 20. Ibidem. P. 175-178.
 21. Sheudzhen E.A. On the question of the North Caucasian frontier // The scientific idea of the Caucasus. 2006. No. 3. P. 76-83.
 22. Basalayeva I.P. The criteria of a frontier: on the statement of the problem. URL: [www.http://www.teoria-practica.ru>-2-2012 ... bacalaeva.pdf](http://www.teoria-practica.ru>-2-2012...bacalaeva.pdf).
 23. Ilyin M.V. Political discourse: words and senses (A state) // Polis. 1994. No. 1. P. 127-140.
 24. Ibidem. P. 130.